

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 911888

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XIX

Buenos Aires, martes, 11 de julio de 1967

Буэнос Айрес, вторник 11 июля 1967 года № 908

Г. МЕСНЯЕВ

ХЛЕСТАКОВЫ И МАНИЛОВЫ

Издавна принято считать, что Гоголь был сатириком, положившим начало, так называемому, обличительному направлению русской литературы.

Слова городничего, обращенные к театральному залу: “Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!” — оппозиционными кругами всегда рассматривались, как прямой вызов царскому правительству и лично Императору Николаю I.

Такое упрощенное толкование гоголевских слов не выдерживает критики. Ни в “Ревизоре”, ни в “Мертвых душах” нет ни малейшего намека на оппозицию Гоголя к царскому правительству, как нет ни одного слова осуждения и порицания его. Городничий с театральными подмостков обращался вовсе не к царю, а к тем лицам, которые не понимали, не хотели и не могли понять побуждений царской власти, его намерений и целей.

Гоголь писал: “Сверху раздаются вопросы, ответы снизу. Сверху раздавались иногда такие вопросы, которые свидетельствуют о рыцарски-великодушном движении многих государей, действовавших даже в ущерб собственным выгодам. А как на все это было ответствовано снизу?” Снизу же, по мысли Гоголя, ответствовано надлежащим образом не было.

А что это было так и что непонимание русским обществом сущности и значения исторической государственной власти для России привело ее к катастрофе, — очень красноречиво и наглядно обнаружилось в дни русской революции, в феврале 1917 года.

Когда-то, до революции, образы, созданные гением Гоголя, казались нам чем-то сугубо преувеличенным, необычным и невозможным, какими-то умышленно созданными густками человеческой пошлости, сосудами того, что Гоголь называл “дрянь”. Революция же показала, что эта “дрянь” вовсе не создание расстроеного воображения писателя, а самая осязательная действительность, самое страшное и роковое явление русской жизни.

Мы теперь хорошо знаем, что российская революция была совершена вовсе не русским народом в целом, а как раз теми самыми хлестаковыми, маниловыми и чичиковыми, которые в смутные дни, как накупив, выплыли на поверхность русской жизни, в жадном стремлении “играть роль”.

Только в революционные дни, в дни всеобщего помрачения, Иван Алексеевич Хлестаков получил возможность уверить Россию в том, что он, действительно “персона”, точно так же, как столет раньше удалось ему сделать это в российской уездной глуши. Уездный фарс, так ярко показанный Гоголем в “Ревизоре” вдруг самым фантастиче-

ским образом обратился во всероссийскую трагедию. Хлестаков стал управлять Россией, стал внедрять в ней республику, командовать армиями, смещать и заключать в тюрьмы главнокомандующих и совершать прочие безумства, получившие в истории наименование “керенщины”.

А Манилов? Он, как известно, любил пометать о всяких приятных вещах. О том, например, что “...хорошо было бы, если бы вдруг от дома провести подземный ход, или через пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян”.

В дни революции Манилов стал главой правительства, да и все члены этого правительства были маниловы. С необыкновенной легкостью в мыслях это сообщество стало проводить в жизнь свои политические мечтания. Оно хотя и решило воевать “до победного конца”, но упразднило воинскую дисциплину, распустило и развратило солдат; оно, это сообщество, посчитало русского крестьянина политически созревшим республиканцем и послало его голосовать в Учредительное собрание; оно стало “управлять” государством на основе “непротivления злу насилем” и, в результате всего этого вконец развалило государство и подготовило передачу его в руки большевиков. Конечно, и Ноздрев, и Чичиков, и Добчинский с Бобчинским, каждый в своем роде, проявили во-всю в революционные дни свои способности и таланты. Все они, каким-то непонятным образом, сумели в страшные дни нашего национального позора заворочить и затуманить русские умы, как-то сумели сбить с толка великую страну и привести ее к катастрофе.

Гоголь с ранних лет был одарен странной способностью подмечать в человеческой натуре все смешное и “выставлял так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользнула от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всех”.

Такая способность дала возможность Гоголю создать обобщенные типы людей, представляющих собой “собрание всех возможных гадостей”. И эти типы испугали самого их создателя. Ему стало казаться, что в своих сочинениях он смеется “напрасно, сам не зная зачем”. Он старался всячески бороться со своей страшной способностью, стремился показать в своих сочинениях не только низменное и страшное, но и светлое и возвышенное. Однако, это было напрасно: в его сочинениях низкое вновь выступало во всей яркости своих красок,

К ДРУЗЬЯМ И ЧИТАТЕЛЯМ ГАЗЕТЫ “НАША СТРАНА”

В прошлом номере я поместила сообщение об увеличении почтовых тарифов в Аргентине. Особенно сильно увеличен тариф воздушной почты (в ТРИ раза). В какой степени это отразилось на бюджете газеты я смогла установить только лишь после выпуска прошлого номера. Результат более чем печальный — приближается катастрофа.

За последний год постоянный рост цен в Аргентине не только на предметы первой необходимости, но также и на телефон, газ, электрическое освещение, квартирную плату и так далее все больше и больше затруднял выпуск очередных номеров и все сильнее уменьшал экономические возможности издания газеты.

Проанализировав и проверив в десятый раз все статьи расходов по стоимости выпуска номера газеты прихожу к заключению, что покрыть образовавшийся дефицит НА ЭТОТ РАЗ НЕТ НИКАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ.

Перейти на издание газеты на четырех страницах очень немного улучшит положение, но очень сильно отразится на ее престиже. Увеличить продажную стоимость номера считаю также невозможным, так как это может вызвать уменьшение числа подписчиков, которое, слава Богу, за последнее время немного увеличилось.

В результате я не вижу другого выхода, как обратиться к друзьям и читателям “Нашей Страны” с ПРИЗЫВОМ возобновить свои посильные взносы в “Фонд Издательства имени И. Л. Солоневича”. Пришел момент, когда все, кому дорога “Наша Страна” свсей помощью могут СПАСТИ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

Поверьте, дорогие друзья, что мне очень тяжело делать это обращение, но вера в необходимость существования единственного серьезного печатного органа идеи Народно-Монархического Движения меня заставляет это сделать.

ТАТЬЯНА ДУБРОВСКАЯ

совершенно затемняя те бледные и беспомощные образы светлого, которые Гоголь пытался противопоставить всепожирающей мерзости.

Эту борьбу великого писателя с самим собой и с отталкивающими образами пошлости и зла можно считать пророческой: в ней как бы угадывалась страшная судьба России, ее падение под дружным натиском Хлестаковых, Маниловых, Ноздревых, Тяпкиных-Ляпкиных и прочих зловещих гоголевских персонажей.

“Собрание всех возможных гадостей” проявилось в дни революции с исключительной наглядностью. Черты хлестаковщины и маниловщины исказили тогда весь облик великого государства. Эти черты во всей своей неприглядности живут, конечно, и поднесь в опозоренной и развращенной России. В ней сейчас властвует и определяет всю русскую жизнь та самая “дрянь” и вся “гадость”, те самые “мертвые души”, которые были пророчески созданы мрачным гением Гоголя.

Однако, надо признать, что хлестаков и маниловы не являются специфической бедой русской жизни. И Хлестаков, и Манилов, и Ноздрев, и Собакевич — явление общечеловеческое. Мы, русские, имея за плечами самый трагический и самый страшный опыт и увидевши в действии всех персонажей Гоголя, без труда видим сейчас эти знакомые лица повсюду, во всем мире, в каждой стране. Мы видим сейчас, как эти хлестаков и маниловы, совершенно отуманенные своими мечтаниями, отказавшиеся от всего, что когда-то составляло силу и основу человеческого общества: религию, патрио-

тизм, традиции, добрые нравы, — ведут человечество к неминуемой гибели. Это они, всякие там “интеллектуалы”, “пацифисты”, лже-гуманисты и политические спекулянты и прочая, поддерживают красных и розовых, дискредитируют и борются со здоровыми, традиционными режимами, потакают всякой нечесаной и расхлябанной нечисти, всяким там “битлсам”, гомосексуалистам, дезертирам и проповедникам самой неприкрытой порнографии. Это они, доводя понятие демократизма до абсурда, делают добропорядочных людей жертвами преступников, защищая не добропорядочных, а преступников и негодяев и облегчая всячески шпионам и коммунистам без труда делать их грязное дело.

Хлестаковы и Маниловы были всегда и везде, они царствуют сейчас во всем мире, будут они и впредь. Как же тогда бороться с ними, как ограждать человеческое общество от гнилого влияния их на человеческую мораль, на людские нравы?

Ответ, в сущности, прост. Надо вернуться вспять: к старым принципам и к старым основам жизни. Надо твердой рукой, руководствуясь не отвлеченными, туманными и нездоровыми принципами ложной демократии и ложного гуманизма, а соображениями общей пользы и общего морального здоровья, — поставить пределы наступлению растленных мировых сил, готовых затопить и поглотить все здоровое и истинное, на чем до сих пор зиждился мир.

Как это сделать, сказать трудно, почти невозможно. Но сделать надо, во что бы то ни стало!

Г. МЕСНЯЕВ

РОССИЙСКАЯ КОЛОНИЯ В АРГЕНТИНЕ
ПРИГЛАШАЕТ РУССКИХ ЛЮДЕЙ НА ТРАУРНОЕ СОБРАНИЕ

ДЕНЬ СКОРБИ

16 ИЮЛЯ В 3.30 ЧАСА ПАНИХИДА В ХРАМЕ СВ. ВЛАДИМИРА

В 4 часа дня в Корпусном доме (Бажестер) собрание. Вход свободный.

ПРОГРАММА: Вступительное слово — Н. Сахновский.

Памяти Царя-Мученика — проф. др. Ф. Вербицкий.

“Перед портретом Царя” — стихи Александра Навроцкого.

С. Л. Войцеховский

(Продолжение)

ТРЕСТ

ВОСПОМИНАНИЯ В. Т. ДРИММЕРА

Начало связи Треста с русскими эмигрантами и иностранными штабами изображено В. Т. Дриммером поверхностно и неточно. Он приписал М.О.Р. такой размах этой связи, какого оно в действительности никогда не достигло.

— Русская эмиграция, — написал он, — была разьединена так же, как и ее монархическая организация, построенная на основе старой, царской иерархии. Интриги, зависть, титуломания и орденomanия все больше ее раздирали и отталкивали молодежь тем более, что и претендентов на престол было двое: великий князь Кирилл и бывший верховный главнокомандующий Николай Николаевич. Все было как бы нарочно создано для того, чтобы на этой почве возникла мысль об единой, омоложенной и независимой от титулованных чиновников монархической организации, укорененной в России и руководимой из Москвы. Разрешение этой задачи было поручено Федорову, который выдавал себя за московского служащего-путейца, якобы, получившего от правительства заграничную командировку. Под этим предлогом, он часто ездил на несколько дней в Париж, Прагу и Варшаву и везде, пользуясь установленными в царское время отношениями, имел возможность встреч со старыми друзьями или знакомыми и мог намекать им, что остался попрежнему тем, кем был до войны, то есть монархистом, полностью преданным трону Романовых. Повторенная шепотом "тайна", как это бывает в эмиграции, распространилась быстро. Эмигранты в Варшаве знали о нем все, до того, как он, через Прагу, добрался в Париж. В Варшаве Федоров признался доверенным монархистам в существовании в Москве глубоко законспирированной монархической организации и это известие еще раз вернулось в Прагу и Париж и докатилось в Эстонию. Даже название М.О.Р. перестало быть секретом. Старики, как старики, были настроены скептически и подозрительно, а молодые полные бодрости и надежды на наставшую, наконец, возможность какого-то действия, родовались и гордились тем, что родина организуется.

Упомянутое В. Т. Дриммером разделение зарубежных русских монархистов на сторонников двух великих князей действительно существовало в те годы и не способствовало укреплению авторитета старших во мнении тех, кто был тогда молод. М.О.Р., однако, в своих сношениях с эмигрантами всячески поддерживало великого князя Николая Николаевича. Якушев и Потапов, при встречах с молодыми членами организации, не отзывались об бывшем верховном главнокомандующем так насмешливо и пренебрежительно, как они — по словам Никулина в "Мертвой зыби" — делали это в Москве, в своих докладах ГПУ. Малейшая связь с Кобургом, где тогда жил великий князь Кирилл Владимирович, была зарубежным участникам М.О.Р. запрещена.

В. Т. Дриммер прав, что молодые эмигранты, соприкоснувшись с Трестом, испытали подъем и веру в возможность свержения советской власти русским народом без участия иностранцев. Он, однако, ошибся, приписав Федорову, то есть Якушеву, частые поездки в Прагу и в Париж. Чаще всего — в годы существования Треста — Якушев бывал в Варшаве. Побывал он и в Берлине, съездил с Потаповым в Шуаньцзи, но в Праге, кажется, не был ни разу. Весть об его поездках и существовании М.О.Р. не могла прийти в Эстонию из Гольши хтя бы потому, что отношения Треста с эмигрантами возникли именно в Таллине. Состоявшаяся там встреча Якушева с Артамоновым была их первым звеном.

— При следующем появлении Федорова, — продолжил В. Т. Дриммер свой рассказ, — уже было известно, что во главе М.О.Р. стоит старый, популярный, безупречный генерал Зайончковский. Появились первые делегаты М.О.Р., назначенные Федоровым в Эстонию, Латвию, Финляндию, Польшу и т. д. Вначале им было приказано ждать и заниматься подысканием наиболее ценных людей, которых можно было бы позже перебросить в Россию или использовать для организационной работы на месте.

Федоров советовал молодым эмигрантам учиться политике на примере "лимитрофов", как русские называли народы, оторвавшиеся от России и достигшие независимости. Он говорил им о необходимости наблюдать международные отношения, учиться и добиваться влияния в странах своего расселения. Постепенно, во всех государствах, где существовала русская эмиграция, возникли дисциплинированные и выполнявшие указания московского центра отделы М.О.Р.

Тут, что ни слово, то фантазия... Не только при жизни и после смерти генерала Зайончковского, но даже после самоликвидации Треста, его причастность к провокации чекистов была известна очень немногим эмигрантам. Этим, вероятно, объясняется почти полное отсутствие его имени в первоначальной зарубежной литературе о Тресте, да и до сих пор его участие в "легенде" — не в пример Опперпуту, Якушеву, Потапову и Ланговому — затмнено отсутствием подробных сведений.

Первый резидент Треста появился в Варшаве в начале 1923 года. Им был Ю. А. Артамонов, которого М.О.Р. в переписке называло Липским. Установление связи с русскими эмигрантами в Польше было одной из его обязанностей, но оно — вопреки сообщению В. Т. Дриммера — не привело к созданию зарубежного отдела тайной монархической организации. С 1923 по 1927 год Артамонов ввел в Кутеповскую организацию и в М.О.Р. троих эмигрантов и одного польского чиновника, получившего образование в России, причем каждому из них было дано определенное, ограниченное задание.

В политической обстановке, так называемых, лимитрофных государств, о явной русской монархической организации речи быть не могло. Активность резидентов М.О.Р. не была конспиративной, в полном смысле слова, потому что проявлялась с ведома и согласия местной власти, чаще всего — местного генерального штаба, но она не была, да и не могла быть явной, так как министерства и штабы скрывали свой контакт с монархистами.

Возможно, что В. Т. Дриммер прав, говоря, что в Таллине и Риге существование резидентов М.О.Р. было замечено эмигрантами. В Варшаве нашлись русские детективы-любители, следившие за Ю. А. Артамоновым. Два раза они увидели его входящим в здание польского генерального штаба на Саксонской площади и решили, что он всего лишь заурядный агент поляков. То исключительное, необыкновенное положение, которым резиденты М.О.Р. пользовались в столицах лимитрофных республик благодаря своей связи с Россией, не вмещалось в эмигрантское воображение.

Назвав несуществовавшие заграничные отделы М.О.Р. дисциплинированными и выполняющими распоряжения московского центра организациями, В. Т. Дриммер приписал им свойства тех немногих заграничных пунктов связи Кутеповской организации и Треста, которые состояли из одного резидента и двоих или троих его сотрудников. Дисциплину, "подтянутую невидимой рукой", заметил В. В. Шульгин, побывавший в Варшаве по пути в "три столицы" и отметивший ее в злополучной книге об этом путешествии. Указания московского центра исполнялись потому, что они совпадали с распоряжениями другого центра — парижского, то есть А. П. Кутепова. Разногласий между ними не было. По крайней мере, они не доходили до тех второстепенных, технических звеньев, какими были резиденты и их сотрудники.

— Сведения о М.О.Р., — сказано в воспоминаниях Дриммера, — стали известны русским социалистам-революционерам. Старик Бурцев, некогда расшифровавший и разоблачивший провокатора царской полиции Азефа, не поверил М.О.Р., почувствовав что-то неладное. Не поверил и способный организатор старых монархистов, генерал Кутепов, не поверил и Савинков...

Воспоминания содержат затем приблизительно верное описание судьбы А. П.

ДЕНЬ ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В воскресенье, 30-го июля 1967 г., в зале при Свято-Троицком Соборе (Бразиль 315) состоится

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕРТ

1-ое отделение — Церковно-Духовная музыка.

2-ое отделение — Народные мелодии в торчестве русских композиторов.

3-ое отделение — Русская история в музыке и литературе.

Программу исполняют: Смешанный хор под управлением Л. Л. Иванова.

Г-жи: Е. Л. Бочагова, Т. Н. Роговая-Кульбицкая, Е. М. Самсонова, С. Ф. Шведова.

Г-да: А. И. Ван-Фу, Н. Н. Седлецкий, М. М. Седляревич, В. Ф. Трофимов, Ю. Н. Филичев, В. Д. Фишкин. У рояля маэстро Осана.

Доклад на тему: "О русском народе и о русской земле", написанный М. М. Спасовским.

Вход свободный. На покрытие расходов добровольные пожертвования.

НАЧАЛО В 16.30 ЧАСОВ.

Кутепова, Б. В. Савинкова и С. Рейли. За ним следует утверждение, что автор воспоминаний был первым польским офицером, в котором Трест возбудил недоверие.

— Понемногу московский центр М.О.Р. стал получать первые донесения своих заграничных сотрудников, — сказано в этой части статьи В. Т. Дриммера. — Благодаря личным отношениям, а также благодаря "разведывательным услугам", некоторые государства дали согласие на пересылку этих донесений, большей частью в виде частных писем "семьям" в Россию. Позже М.О.Р., которое, ради конспирации, начало называть себя Трестом, стало также пользоваться дипломатической почтой из России за границу. Когда Трест обратился по этому поводу с предложением к моему офицеру связи в Москве, поручику Вернеру, я ответил положительно. Это позволило мне в течение ряда лет контролировать посылающиеся из Москвы инструкции М.О.Р.-Треста, постепенно знакомиться с его сетью, ее охватом и личным составом. По мере развития сотрудничества с Трестом, это дало мне много "информации" и "документов", которые я иногда, в идентичной форме, получал от англичан или эстонцев. Мое недоверие, подкрепленное доказательствами, почерпнутыми из писем М.О.Р. за границу, непрерывно усиливало.

Это недоверие заставило В. Т. Дриммера — по его словам — съездить в Варшаву. До повторения его рассказа об этой поездке нужно, однако, дополнить и исправить то, что он сообщил о заграничной переписке Треста.

Не берусь судить о ней в полном объеме хотя бы потому, что в моем положении рядового участника Кутеповской организации и сотрудника варшавского резидента М.О.Р. я знал только часть и, может быть, небольшую часть. Я все же могу сказать, что все те письма и документы, которые с 1923 по 1927 год посылались из Варшавы в Москву и получались в Варшаве из Москвы, проделывали этот путь в дипломатических вализах польского посольства и министерства иностранных дел и никогда — ни в одном, хотя бы единственном случае — не имели внешне вида семейных посланий.

Сообщения варшавского резидента М.О.Р. и его сотрудников и полученные из Парижа письма А. П. Кутепова и его помощников Тресту передавались Ю. А. Артамоновым для отсылки в Москву второму отделу польского генерального штаба в конверте запечатанном сургучем. Так же были запечатаны конверты, в которых Артамонов получал от штаба письма Треста, подписанные обыкновенно Федоровым или Рабиновичем, то есть одним из псевдонимов Якушева.

Вероятно, несмотря на печати и некоторые другие меры, предохранявшие эти пакеты от любопытных глаз, они вскрывались и прочитывались польскими офицерами. Я не знаю, удалось ли им найти ключ к тому шифру, которым пользовался варшавский представитель Треста. Ничего нового, в случае удачи, они бы не узнали, так как зашифровывались главным образом и так известные польскому штабу подробности предстоящих переходов польско-советской границы участниками организации, но то, что об этом шифре написал В. Т. Дриммер, увы, еще одна ошибка его памяти.

Я могу судить об этой ошибке, как участник событий, описанных сотрудником "Культуры", но до ее исправления нужно привести описание поездки, ко-

торая — по словам В. Т. Дриммера — привела его не только в Варшаву, но и в Москву.

— Я поехал в Варшаву, — сказано в воспоминаниях, — и доложил там начальнику разведывательного отделения второго отдела (генерального штаба), подполковнику Боцяцкому, мои сомнения и подозрения. Увы, я не встретил понимания и пошел на рискованный шаг. Я решил съездить в Россию, объяснив это разведывательному отделению необходимостью встречи с моими тайными агентами в штабе Красной армии. Это должно было стать моей второй "неофициальной" поездкой в Россию. Первая состоялась раньше, приблизительно за год до второй. Я все еще имел паспорт, выданный мне, как курьеру-шоферу. Он был получен для меня вторым отделом от нашего министерства иностр. дел, где меня никто не знал. Одетый бедно, нагруженный продовольствием, которое тогда регулярно доставлялось нашим представителям в Москве, в Харькове и Кневе из Варшавы, я не привлек внимания бдительных чекистов. Согласовав это с моим офицером связи, я решил побывать в Москве у одного полковника, который, судя по письмам, был значительным звеном М.О.Р.-Треста в штабе. Его адрес стал мне известен из писем. Я захватил с собой пакет консервов и пошел. Мое внезапное появление было полной неожиданностью. Разговор усилил мою уверенность в том, что мы, как и другие штабы, стали жертвой величайшей инспирации. На следующий день я и офицер связи, поручик Вернер, встретились в Москве с "официальными" представителями М.О.Р.-Треста. Разговор с ними не дал ничего нового. Я знал, что мы попали в руки Инотдела ОГПУ.

— Вернувшись в Варшаву, — написал затем В. Т. Дриммер, — я еще раз доложил моим начальникам, что мы стали слепым орудием в руках советчиков. Меня поддержали два офицера, подполковник Энглихт и майор Гавловнич, служившие в, так называемой, эвиденции второго отдела, задача которой состояла в исследовании качества и правдивости сведений, добытых нашей разведкой. Последствием этих наших предостережений было отстранение меня от связи с М.О.Р., отозвание моего талантливого офицера, поручика Вернера, преемником которого (в Москве) стал другой, столь же способный, но, к сожалению, неопытный офицер, майор Недзвинский. Связь с М.О.Р.-Трестом взяла на себя непосредственно Варшава, то есть майор Таликовский, начальник русской секции разведывательного отделения.

— Это — по мнению В. Т. Дриммера — было величайшей ошибкой, уничтожившей тот буфер, каким (между польским генеральным штабом и Трестом) была польская миссия в Таллине.

— Только одного, — утверждает бывший польский военный агент в эстонской столице, — добился я от начальника разведки, а именно: решения потребовать от Москвы серьезных разведывательных материалов, как, например, мобилизационного плана. Пусть они докажут наличие своих возможностей в штабе РККА.

Оценка этой части воспоминаний может быть сделана только теми, кто знает дело Треста не с русской, а с польской стороны. Только они могут судить о том, насколько правдоподобен рассказ В. Т. Дриммера об его поездке в Москву и встрече с советским полковником, но утверждение, что польский офицер узнал адрес этого полковника из пере-

писки М.О.Р. с эмигрантами противоречит всему, что известно о Тресте. В своей заграничной переписке Трест тщательно соблюдал ту видимость конспирации, которая была необходима для сохранения веры эмигрантов в существование тайной монархической организации в Москве. Указание адреса одного из участников этой организации в посланном за границу письме было бы вопиющей и ничем неоправданной неосторожностью. Она, неизбежно, вызвала бы подозрения.

В виде гипотезы можно было бы предположить, что адрес был почему-либо включен в письмо в зашифрованном виде, а В. Т. Дриммер его в Таллине расшифровал. Эта гипотеза опровергается, однако, не только тем, что он написал о зашифрованной переписке Треста, но и его собственным признанием в том, что шифр М.О.Р. остался неразгаданным.

По странному стечению обстоятельств, — сказано в этой части воспоминаний, в которой автор еще раз сдил воедино Якушева и Опперлута, — после лишения Таллина связи с М.О.Р.-Трестом и установления непосредственной связи между Москвой и Варшавой в Варшаве появился Федоров - Опперлут. Я предложил майору Таликовскому, руководившему разведкой на Россию, встречу втроем. Я прежде никогда не встречался с Опперлутом, который, как оказалось, был в контакте с руководителем разведки на Россию. Они до этого виделись неоднократно. Когда встреча уже была решена, Федоров неожиданно заболел и был помещен в частную клинику св. Иосифа в Варшаве. Он перенес там операцию удаления слепой кишки. Руководитель разведки на Россию и я решили его посетить в этой клинике. Случилось так, что после нашего стука в дверь, я вошел первым. Я заметил, что Федоров быстро спрятал под одеяло какую-то книгу. От разговора в памяти не сохранилось ничего. Помню только банальное лицо и небольшие, хитрые, лисьи глаза, непрерывно перебегавшие с одного из нас на другого. Выйдя из комнаты, я попросил больничную сестру записать, когда окажется возможным, название и год издания книги, которую читает русский пациент. Мне повезло. Книга оказалась историей России, написанной Иловайским и изданной в Москве за несколько лет до войны.

По моему предположению, эта книга употреблялась для шифровки заграничных писем (Треста) по буквенному методу. По мнению нашего превосходного специалиста по чтению шифров, полковника Ковалевского, к которому я обратился с просьбой о расшифровке ряда писем, это невозможно было сделать, не зная книги. Таким образом, я до возвращения в Таллин, дал руководителю разведки на Россию оружие, которое могло привести к расшифровке писем М.О.Р.-Треста, но Варшава, как можно было предвидеть, не располагала ни временем, ни людьми для того, чтобы спокойно и методично заняться этим делом.

**

Итак, В. Т. Дриммер признал, что зашифрованная часть заграничной переписки Треста, перевозившаяся в Москву или из Москвы польскими дипломатическими курьерами и проходившая

через второй отдел польского генерального штаба, оставалась нерасшифрованной. Если он не ошибся и полковник Ковалевский не нашел все же ключа к шифру М.О.Р., эта передача непрочитанных писем была бы доказательством неограниченного доверия к русской монархической организации и ее заграничным корреспондентам. При любых обстоятельствах, использование иностранной дипломатической почты для зашифрованной переписки показывает, как велика была в те годы независимость русских противников коммунизма и, в частности, Кутеповской организации от иностранцев.

Утверждение В. Т. Дриммера о том, что он обнаружил в больничной комнате Якушева написанный Иловайским учебник русской истории уже после того, как связь с Трестом была сосредоточена польским штабом в Варшаве, опережает сделанное мною в виде гипотезы предположение, что адрес советского полковника, у которого автор воспоминаний побывал в Москве, стал ему известен благодаря расшифровке московского письма. Это усиливает недоверие к его памяти и в этой части его рассказа. Равнодушные начальники В. Т. Дриммера к его "открытию" можно объяснить не только тем, что польскому генеральному штабу не хватало людей и времени на расшифровку писем М.О.Р., но, может быть, и тем, что "открытие" оказалось ошибкой. Книга, которую Якушев спрятал под одеяло от польского офицера, не была той книгой, которой Трест пользовался для шифровки своей заграничной переписки. Ею было берлинское издание "Истории русской музыки" Л. Сабанеева.

Больничная сестра в варшавской клинике св. Иосифа, где Якушев действительно в один из своих приездов пролежал довольно долго, после более сложной операции, чем удаление слепой кишки, не ошиблась, однако, сообщив В. Т. Дриммеру, что таинственный русский пациент читает Иловайского. После операции, Якушев попросил Ю. А. Артамонова принести ему несколько книг. Я присутствовал при их передаче. Среди них был упомянутый В. Т. Дриммером учебник. Почему же Якушев поспешно спрятал его от посетителей-полюков? Не потому ли, что Иловайский был и остается для них символом того мировоззрения, которое хвалило раздел Польши и утверждало право России на вечное владение Царством Польским? Якушев, который, вероятно, это мировоззрение разделял, знал несомненно, как смотрят на Иловайского поляки. Не объяснялось ли его непроизвольное движение желанием скрыть это имя от польских глаз? Верю, что В. Т. Дриммер это движение заметил, хоть оно меня и удивляет — не знаю, как его сочетать с тем самообладанием, которое Якушев проявил при выполнении полученного им в Москве провокационного задания.

**

В том, что В. Т. Дриммер написал о поездке В. В. Шульгина в Россию, нет — с одним неправдоподобным исключением — ничего нового. Невероятным кажется мне сообщение сотрудника "Культуры" о, якобы, устроенном чеккистами для В. В. Шульгина живоцерковном "богослужении".

В. Т. Дриммер написал, что оно состоялось в Москве, в каком-то подвале, в присутствии всех руководителей М.О.Р. и облеченных в военную форму командиров Красной армии. Фантастично утверждение, что Шульгина взволновало неправильное произношение русских слов "священником" и что автор "Трех столиц" увидел в этом подтверждение евразийского облика не только М.О.Р., но и русской Церкви. Он поэтому, якобы, поцеловал руку "священника", которым — по словам В. Т. Дриммера — был ставший чеккистом бывший польский офицер Стецкевич. Весь этот рассказ отражает такое незнание и непонимание истории М.О.Р., что указание на всю его несуразность кажется лишним.

Автор воспоминаний ошибся и в примечании к своей статье, написав, что Шульгин был арестован в Югославии в 1956 году и умер девять лет спустя. В действительности, как известно, он был захвачен большевиками в Югославии в 1944 году и, повидному, все еще жив.

С. Л. Войцеховский

(Продолжение следует)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

"РУССКАЯ МЫСЛЬ"

Нам пишут из Парижа:

Выходящая здесь трижды в неделю газета "Русская Мысль" перешла на еженедельное издание. Вопреки слухам о переходе газеты в собственность Народно-Трудового Союза (НТС), редактором газеты остался С. А. Водов.

КНИГА С. АЛЛИЛУЕВОЙ

Нам пишут из Нью Йорка:

16-го октября с. г. в Нью Йорке поступит в продажу первое издание книги дочери Сталина, Светланы Аллилуевой, на английском языке. Это издание будет напечатано в 150 тысячах экземпляров. Одновременно, в тот же день, будет выпущено на книжный рынок русское издание той же книги в количестве 10 тысяч экземпляров. По-русски книга будет названа: "20 писем к другу". Через несколько месяцев появится второе, удешевленное издание на русском языке. Оно будет напечатано в 15 тысячах экземпляров.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОБОРА

Нам пишут из Нью Йорка:

"Православная Русь" опубликовала текст постановлений Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви. Этот текст содержит некоторые подробности, которые дополняют первоначальные, краткие сообщения о Соборе.

На основании упомянутых постановлений, в 49-ю годовщину Екатеринбургского царубийства в храме-памятнике Царской Семьи в Брюсселе, в синодальном соборе в Нью Йорке, в других кафедральных соборах Русской Зарубежной Церкви и в русской духовной миссии в Иерусалиме будет совершено не совершенное до сих пор заочное отпечение убиенного Императора Николая Александровича и Его Семьи.

Рассмотрев ходатайство группы членов епархиального собрания восточно-американской епархии о пересмотре утвержденного в 1956 году Положения о Русской Православной Церкви за границей в направлении ограничения епископской власти, Собор признал, что упомянутое Положение остается основным законом Зарубежной Церкви и поэтому обязательно для ее священноначалия и паствы. Для разъяснения канонического строя Церкви и для обличения возникших в последнее время стремлений к его нарушению будет издано особое соборное послание.

Кроме того, Собор имел суждение о том, что в среде паствы Русской Зарубежной Церкви появилось течение, стремящееся ограничить каноническую власть епископов. Наиболее яркими выражениями этого течения служат, по мнению Собора, существующие в Калифорнии и вмешивающиеся в церковные дела Русское Православное Общество Мирян в Америке и Совещание церковных деятелей в Си-Клифе под Нью Йорком.

Собор признал, что члены упомянутого совещания действуют, быть может, из добрых побуждений, но неверно толкуют каноны Православной Церкви и соборность. "Если кто из мирян, — сказано в постановлении, — станет восхвалять себе власть в Церкви и ставить себя наравне с епископами, то это уже будет не соборность и даже не демократизм, а самочиние, своеволие, противление воле Божией". В связи с этим Собор постановил, что "лица, не признающие церковных правил, не должны быть участниками в органах церковного управления".

Говоря об Обществе Мирян, Архиерейский Собор нашел, что оно "по своим стремлениям и по образу своих действий стало на неправославный путь протестантского характера, грозящий превратиться в опасную для Церкви ересь". Поэтому Собор поручил епархиальным архиереям "принять надлежа-

щие меры для ограждения Церкви от их вредной деятельности, нарушающей мир и единство".

По вопросу о замещении епископской кафедры в Сан-Франциско Собор постановил сохранить на год за председателем Архиерейского Синода, митрополитом Филаретом, управление западно-американской епархией, а по истечении этого срока иметь новое суждение о дальнейшей должности этой кафедры.

Собор объявил, что он "не видит другого пути к успокоению прихода в Сан Франциско, кроме примирения разделившихся сторон" и призвал спорящие стороны к этому примирению.

Собор постановил соединить чилийско-перуанскую епархию с бразильской епархией с оставлением архиепископа Феодосия ее правящим архиереем с тем, что архиепископ Леонтий, в случае необходимости, будет оказывать ему помощь в управлении этой епархией.

Признав, что резолюция Архиерейского Собора 1964 года о сохранении молитвенного общения с сербской патриархией в Белграде вызвала смущение русской зарубежной паствы, Собор эту резолюцию отменил, что не изменил своего отрицательного отношения к сербскому епископу Дионисию, создавшему в Соединенных Штатах независимую эмигрантскую сербскую Св. Саввоскую Церковь и в общении с этим епископом и его Церковью не вступил. Собор подтвердил решение Синода от 12-го августа 1965 года о невмешательстве Русской Зарубежной Церкви в дела Сербской Церкви.

Собор оставил без последствий жалобу бывшего протоиерея Василия Салтовца на постановление Синода о лишении его священного сана и исключения из клира Русской Зарубежной Церкви.

Кроме постановлений Собора, "Православная Русь" опубликовала заявление архиепископа Аверкия о том, что он не имеет никакого отношения к изданию напечатанной в Канаде брошюры: "Только сим победиши анти-Христов", направленной против митрополита Филарета и архиепископа Виталия. В своем заявлении архиепископ Аверкий назвал эту брошюру "крайне грубой и резкой по своему тону и содержанию".

По сведениям выходящей в Сан Франциско "Русской Жизни" Собор принял представителя Короля Югославии Петра Второго. Этот представитель передал Собору письменное приветствие Короля и его просьбу о принятии сербской зарубежной Церкви в состав Церкви русской. Собор эту просьбу отклонил.

По тем же сведениям, Собор отклонил предложение архиепископа женевакого и западно-европейского о назначении проживающего в настоящее время в Мюнхене епископа Нафаняла правящим епископом австрийской епархии.

Кроме того, "Русская Жизнь" сообщила, что резиденция митрополита Филарета и Синода Русской Зарубежной Церкви, якобы, переводится из Нью Йорка в Новую Коренную Пустынь в гор. Махопаке. Это сообщение, повидному, не точно, так как Новая Коренная Пустынь будет только временной летней резиденцией первоиерарха, а канцелярия Синода остается в Нью Йорке.

Впредь до приезда в Нью Йорк из Сан-Пауло протоиерея Николая Падерина и его предстоящей епископской хиротонии, канцелярией Синода управляет временный член Синода, епископ Антоний. Протопресвитер Георгий Граббе, оставшийся консультантом и заведующим внешними сношениями Синода, к управлению синодальной канцелярией больше отношения не имеет.

А. ГОФФАРТ
художница икон храма Покрова Богоматери принимает заказы на художественное воспроизведение православных икон всех эпох.
Gral. Roca 2382, Florida.

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontologia
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasonico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541, p. 2, apto. H
Capital T. E. 88-3605
(Один квартал от станции субтерра-
нео "Пуэйредон" по линии Федерико Лакросе).

РУССКИЙ ЯЗЫК
ОПЫТНАЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦА
Преподавание русского языка для русских и иностранцев.
Тел. 701-8415.

3-го сентября 1967

3-го сентября 1967

СЛЕДУЮЩАЯ ПОСТАНОВКА
ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ РУССКОГО ТЕАТРА

"ОСТРОВ МИРА"

комедия-сатира Ильфа и Петрова

CASA DE CATALUÑA — Casa de Casabuso 863

ПО СЛЕДАМ ГАЗЕТНЫХ СТРОК

Последние наши записки выражали тревогу, испытываемую нами в результате занятия Иерусалима еврейской армией. Сведения, полученные после составления недельного отчета, как было сказано в примечании, успокаивали эту тревогу (см. Наша Страна № 907).

Настоятель храма Всех Святых в земле Российской просиявших, находящегося в пригороде Буэнос Айреса при обществе "Православный Русский Очаг", — о. прот. Георгий Романов, сообщил нам, что при недавней поездке в Париж по делам общества "Православное Русское Дело", он встретился с о. перомонахом Герасимом (Романовым), который по указанию митр. Филарета совершил поездку из Франции в Иерусалим, где и осведомился о положении вещей.

Русское духовенство Иерусалимской миссии, возглавляемое о. архимандритом Дмитрием (Биакай) Линоки и инокини мужественно переносят опасность военных действий в Иерусалиме и во время артиллерийского обстрела непрерывно читают акафисты о. архимандритом Анастасием (Загарским) и все пребывали в непрерывной молитве.

Когда были закончены военные операции, израильский министр культов повез на своем автомобиле во время полицейского часа о. перомонаха Герасима, прилетевшего в Иерусалим из Парижа, в старый Иерусалим (военная оккупированная зона), в Елеонский монастырь, где о. перомонах Герасим узнал от отца настоятеля о разрушении двух домов в Елеонском монастыре артиллерийским обстрелом и о том, что была убита монахиня мать Евлалия. На обратном пути автомобиль министра несколько раз останавливали и проверяли, настолько строг полицейский час в оккупированной зоне Иерусалима. Проезжая Св. Места о. перомонах Герасим узнал о том, что в Храме над Гробом Божией Матери снесена крыша.

Международная политическая жизнь в это время концентрировала свое внимание на ближневосточных событиях, центр которых из Палестины переместился в Нью Йорк. Там, в Организации Объединенных Наций, после того, как были произнесены важнейшие речи, обсуждение вопроса перенеслось в культурную обстановку, где совещания шли непрерывно. Образовались два фронта: франко-советский, держащийся арабской стороны и резко осуждающий евреев, и англо-американско-еврейский.

В свое время была вынесена и резолюция, которую газеты назвали пощечинной для России. (Неграмотная журналистика стран западной демократии, по-видимому, никогда не научится понимать, что большевик Косыгин представляет не Россию, а интернациональное учреждение, насильственно овладевшее Россией в интересах всемирной пролетарской революции по указанию Маркса и Ленина. Она-то и получила пощечину от ООН). Конфуз "товарища" Косыгина тем более велик, что чрезвычайная сессия ООН была созвана по его инициативе и первый текст резолюции был предложен именно им же самим. Он требовал, чтобы Израиль был осужден, как агрессор, и чтобы его войска были немедленно выведены из всех мест, занятых ими в ходе коротких военных операций.

Оба эти требования в резолюцию приняты не были, однако, она именуется осуществленную Израилем аннексию актом нелегальным и сводится к решению о необходимости путем переговоров установить на Ближнем Востоке устойчивый и длительный мир.

С советской стороны по этому поводу послышались приглушенные ругательства, прозвучавшие в упоминании Брежневом имени Гитлера и в речах осуждения Израилю на банкете по случаю приезда в Москву французского премьер-министра Помпиду.

Надо сказать, что там сейчас дружба страшная. Только что Косыгин был в Париже, как уже Помпиду едет в Москву. Объятья франко-советской дружбы заставили французов высоко поднять бровь и напомнить, как большевики способны поступать со своими международными обязательствами. Вспоминая, как в 1939 году большевики продали Польшу Гитлеру, газета "Фигаро" задается вопросом, не ведет ли де Голль Францию в пасть политической авантюры, когда направляет ее к тесной друж-

бе с Советским Союзом?

Если Организация Объединенных Наций своей резолюцией нанесла пощечину тов. Косыгину, то и ей самой немедленно же пришлось получить пощечину от Израеля. Услышав, что резолюция ООН отказалась от Косыгинской формулы в признании Израеля агрессором, премьер Левни Эшкол высказал с удовлетворением: "Я никогда и не думал, чтобы такая аморальная резолюция могла восторжествовать в 1967 году". В тот же день министр труда ген. Ингала Аллома, узнав, что резолюция ООН считает всякую аннексию нелегальной, заявил, что Израиль никогда не отдаст старую часть Иерусалима. "Мир должен примириться с тем фактом, что этот город, наконец, вернулся в руки нации, которая его создала и сделала его святым городом", — сказал ген. Аллома.

Надо ли говорить, что арабский мир глубоко возмущен резолюцией ООН. Оттуда сообщают, что во время кулуарных переговоров в ООН "были пущены в ход все средства от угроз до обещаний экономической помощи", а радио из Дамаска считает, что резолюция "прибавила еще одно пятно на престиж Генеральной Ассамблеи, показав, насколько она подчинена Соед. Штатам Америки и мировому Слонизму".

Ватикан в газете "Оссерваторе делла Доменика" осудил акт аннексии Израилем Иерусалима (старого города) и вновь высказался в смысле необходимости интернационализации Иерусалима, чтобы этот город "не мог снова стать яблоком раздора, но стал бы местом встречи для всех".

Большевики устами помнят жестокости гитлеровцев и, имея в виду еврейскую армию, говорят, что "агрессоры ведут себя, как бандиты" (слова Л. Брежнева). В то же время делом они продолжают подбадривать арабский мир, накачивая оружие, если не прямо в руки Нассеру, то на этот раз в Алжир. Размеры поставок оружия, идущего из СССР в Алжир, заставляя тревожиться Тунисского премьера Бургибу, и он обратил по этому поводу внимание де Голля на то, что теперь место Франции, в этом отношении, на Севере Африки начинает занимать Советский Союз.

Ожидается некоторое сокращение вооруженных сил НАТО, так как экономика Зап. Германии вынуждена уменьшить свои военные контингенты.

Главкомандующим вооруженных сил Варшавского пакта назначен маршал Иван Якубовский. Он будет занимать место маршала А. Гречко, который теперь назначен на пост военного министра СССР вместо умершего маршала Родиона Малиновского.

Военные операции во Вьетнаме продолжают с неослабевающей силой. Информационные агентства утешают читателей то победными справками, то сообщениями о постепенном, хотя и медленном движении Америки к победе, но мы не нашли никаких признаков, которые говорили бы об уничтожении действительного гнезда, из которого исходит зараза красной партизанской активности. Вьетконг опирается на Сев. Вьетнам, а тот опирается на весь красный "полумир", с которым ведет мир и дружбу "полумир" свободной демократии.

Споры между США и СССР о советских пароходах, подбитых при американских бомбардировках Сев. Вьетнамских портов, продолжают мелькать сре-

ди газетных строк.

Но среди этих последних наибольшее внимание привлекла одна строка, воспроизведенная из красно-китайского партийно-большевистского органа "Красное знамя". И речь-то там шла о другом, да вот нас задело нечто весьма значительное в другом смысле. Там писалось о победе Мао Тзе-тунга над его врагом президентом Лиу Шао Чи, и журнал говорит, что подобно тому, как бывший советский премьер Хрущев, "Лиу пытался превратить партию во всемирную" организацию.

Это нам показалось, как строка, имеющая огромный смысл, ибо из нее вытекает, что истинной причиной изгнания Хрущева была его попытка перевести партию большевиков с рельс классовых на рельсы общенародные. По Марксу-Энгельсу-Ленину-Сталину, партия есть авангард рабочего класса. Превращение ее из партии рабочих и крестьян в партию всего народа в корне меняло бы ее роль, обозначая изменение отношения возглавителей СССР к делу всемирной революции. Партия всего народа не есть партия класса. И вот Хрущев не усидел.

Если партийные вельможи выгнали Хрущева за изживание классового признака в пользу признака общенационального, а это вытекает из сообщения "Красное знамя", значит московские партийные начетники продолжают быть верны линии Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, — значит приел на всемирную пролетарскую революцию у них с повестки дня не снят.

Правда, соображение, будто бы Хрущев снят за то, что он пытался подменить классовые интересы революции интересам национальным, противоречит его тактике на Кубе. Куба для московского политбюро может иметь интерес только в смысле всемирной революции. Однако, наше предположительное соображение все же следует записать на память, хотя бы где-нибудь на полях. А вдруг пригодится? Хоть строка и противоречива, но "Красное знамя"-то китайское тоже о чем-то думало, когда писало, не правда ли?

А Хрущевское интервью по телевизии кого-то крепко задело. Выходящий в Зап. Германии журнал "Дер Штерн" пытался было дискредитировать его, но Эп-Би-Си предьявило аргумент, в силу которого "Дер Штерн" оказался провалившимся. Авторитетность интервью остается в силе. Любопытно будет послушать, что начнется, когда оно пройдет по каналам телевизии в США? Кто же из них, в конце-то концов, в выигрыше: Кеннеди, или Хрущев?

Сейчас газеты пытаются дискредитировать Косыгина в деле его посещения Кубы. Дескать, — Советский Союз не сумел подчинить Фиделя Кастро своей политике. Это, видите ли, некоммунистические обозреватели в Москве заключают по тому, что им кажется написанным между строк советской печати. Будто бы, де, мол, Косыгин хочет сдружиться с капиталистическими Южно-Американскими странами, а Кастро ему мешает своей партизанщиной. Косыгин Фиделю будто говорит: "Брось партизанить", а тот будто бы отвечает: "Не брошу!". И вот СССР оказывается настолько слаб, что Кастро не желает слушаться самого товарища Косыгина... и продолжает вести красно-партизанскую работу.

И продолжает.

Все революционно-прогрессивные силы сосредоточили свое внимание на де-

СВЕДЕНИЯ ИЗ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

По полученным в Архиепископском Синоде сведениям, во время военных действий в Иерусалиме все население жителей Русской Духовной Миссии оставались на местах. Убита только одна монахиня Елеонского монастыря м. Евлалия. Никто другой, по-видимому, не пострадал. В Елеонском монастыре пострадала два здания. Пока неизвестно насколько сильно они повреждены. При первых же сведениях о военных действиях в Иерусалиме Высокопреосвященный Митрополит Филарет обратился к Международному Красному Кресту с телеграфной просьбой о помощи населению Духовной Миссии, из коих многие в очень преклонном возрасте. В ближайшие дни для ознакомления с положением и оказания помощи Миссии туда направляются о. о. протоиерей И. Троянов и протод. С. Чертков. Общее расстройство экономической жизни после военных действий и прекращение притока паломников создают много материальных затруднений для насельников Миссии.

ле французского марксиста Фрайсуа Дебрэ, обвиняемого в убийствах и поджогах в Боливии. Будет суд. В Боливию съезжаются и папа и мама Дебрэ, и международно-известные адвокаты, которые должны будут установить, не нарушат ли Боливийские власти международных мер законности. Бельгийский адвокат Рожэ Лалламанд уже прибыл в столицу Боливии Ла Пас, как представитель Лиги Прав Человека. (А где, кстати сказать, были эти господа, начиная с декабря 1917 года, со дня, то есть учреждения в СССР органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ и т. д. и до сего дня?).

Операции красных партизан, между тем, продолжают как в Боливии, так и в соседней Колумбии. Хотя бы они и были незначительны по масштабам, их значение малым назвать нельзя. Малый огонь и большие леса подпалить способен. Президент Боливии Ренэ Барриентос Ортуно убежден, что операциями партизан руководит известный по своей роли в захвате Кубы в красные руки аргентинский авантюрист Эрнесто Гевара, "Че", и президент Барриентос высказал заявление, что Гевара вскоре будет изловлен.

В хитро и коварно расставленную вражескую сеть попался известный по событиям в Конго Моисей Чомбэ. Он доверился авиационной компании и летел в самолете, кто-то из пассажиров которого, очевидно, был нанят врагами Чомбэ. Этот пассажир заставил пилота посадить самолет в Алжир, где Чомбэ тотчас же оказался под стражей, а алжирское радио оповестило об этом, назвав М. Чомбэ убийцей Патрикия Лумумбы, орудием международного капитала и предателем, платным слугой империализма. (М. Чомбэ попался 7-го июля).

Власти Конго требуют от Алжира выдачи им на суд Моисея Чомбэ, и выдача, быть может, уже и готова была бы состояться, если бы в самом Конго не вспыхнула гражданская война.

Откуда ни возьмись, на Стенлейвилль (теперь называют Кисингани) напали парашютисты и завладели городом. Началось сопротивление конголезийской армии. Кто берет верх, еще не видно. Америка высказалась против восставших. Есть основание полагать, что это белокожие наемные войска. Кем наняты?.. Непозвонно. Общественное мнение в Америке настроилось в защиту М. Чомбэ. Организовано общество, предложившее 25.000 долл. выкупа за него. Оно требует, чтобы, в случае предания Чомбэ смерти, Соед. Штаты прекратили экономическую помощь Конго и, за выдачу его в руки врагов, пребрали бы отношения с Алжиром.

Есть подозрения, что правительство Родезии не причастно возмущению в Конго и нападению белокожих партизан на Стенлейвилль (Кисангани), ибо самолеты с ранеными направляются туда и там их как будто принимают. На улицах Стенлейвилля происходят ожесточенные бои. К парашютистам партизан присоединились солдаты конголезийской армии. Бои продолжают.

Между тем вспыхнули так же бои и в Нигерии. Федеральная армия предприняла генеральное наступление на отложившуюся провинцию, которая осмелилась отмежеваться и провозгласить себя независимой республикой Биафра. Бои продолжаются.

Наблюдатель

12-го АВГУСТА 1967

12-го АВГУСТА 1967

ОБЪЕДИНЕНИЕ 6. УЧАЩИХСЯ РУССКО-СЕРБСКОЙ ГИМНАЗИИ

у с т р а и в а е т

Большой Костюмированный

Благотворительный Бал

в залах Швейцарского Клуба (Родригес Пенья 254)

Н а ч а л о в 2 2 ч а с а

— ПЕРВОКЛАССНЫЙ ОРКЕСТР — ОБИЛЬНЫЙ ДЕШЕВЫЙ БУФЕТ —

— ПРИЗ ЗА ЛУЧШИЙ КОСТЮМ — БОГАТАЯ ЛОТЕРЕЯ —

Дамы — костюмированные или в вечерних платьях.

Мужчины — костюмированные или в темных костюмах.

ВХОДНЫЕ БИЛЕТЫ — 500 ПЕСО

Столики бесплатно.

Просьба заранее заказывать столики по телефонам:

72-4685, 792-6159, 58-1927, 78-6341.